

О. Л. ПРОТАСОВА

## «ВОЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК» МАРКСИЗМА ЖИЗНЬ И ИДЕЙНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н. В. ВОЛЬСКОГО\*

---

В статье рассматриваются основные этапы жизни известного русского социал-демократа, философа-марксиста и публициста Н.В. Вольского (Валентинова); анализируются его идейные убеждения и принципы, дающие возможность причислить Вольского к представителям российского демократического социализма – течения, отстаивавшего принципы плюрализма, необходимости признания прав демократического меньшинства, использования ненасильственных методов в движении по пути социального прогресса.

*Ключевые слова:* Н.В. Вольский (Валентинов), В.И. Ленин, марксизм, демократический социализм, демократия, диктатура, большевики, меньшевики

---

В советской историографии практически отсутствовал жанр политического портрета, исключая избранную когорту «пламенных революционеров», чьи жизнеописания более походили на средневековые «жития». На этом фоне сформировался спрос на развернутые личностно-портретные характеристики политических героев прошлого, во многом удовлетворенный публикациями последних десятилетий. Большинство их – биографические очерки, но со второй половины 1990-х гг. прослеживается тенденция к созданию более масштабных трудов, позволяющих дать научную оценку практической деятельности и идейного наследия российских социалистов. Возросла и степень объективности в науке, уже не скованной никакой «генеральной линией»; стало меньше элементов тенденциозности, в научный оборот была введена масса самых разнообразных источников и т.п.

А.Ю. Суслов, обозревая современную историографию российских социалистических партий, отмечает «общую тенденцию развития отечественной историографии меньшевиков, которая, преодолевая стереотипы идеализации отдельных фигур, приближается к созданию полноценной научной истории российских социалистических партий»<sup>1</sup>. Тем досаднее, что на периферии, если не сказать, вне научного внимания историков до сих пор остается такая замечательная во многих отношениях фигура, как экономист, философ, публицист, мемуарист Николай Владиславович Вольский (1879–1964).

Не беремся объяснить этот парадокс. Возможно, дело в недостаточно четкой партийной самоидентификации Вольского: будучи сначала

---

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00157а.

<sup>1</sup> Суслов 2013. С. 339-340.

ла большевиком, а затем перейдя к меньшевикам, он, как истый философ, противился всякой идейной одномерности и догматизму, являясь, по сути дела, социал-демократом вообще, поборником умеренного, разумного, эволюционного социализма. Лучше всего ему подходит определение «демократический социалист». Этот термин с недавнего времени прочно вошел в научный и политический обиход. Его автором считается теоретик австрийской межвоенной социал-демократии Отто Бауэр, впервые применивший его в 1919 г.<sup>2</sup> Данное понятие указывает не только на идеологическую ориентацию человека, но и на его отношение к жизненно-ценностным установкам, методам деятельности, в т.ч. в политической практике<sup>3</sup>. Деятели демократического социализма включали в понятие демократии концепции плюрализма с признанием прав демократического меньшинства, в своей тактике отдавая предпочтение ненасильственным методам движения по пути социального прогресса. Для правого крыла русских марксистов, в отличие от большевиков – поборников целесообразности, нравственные принципы были неотделимы от политики так же, как и от повседневной жизни.

Н.В. Вольский, со временем избавившись от юношеского радикализма, стал целиком и полностью разделять эти идеи. Состоя в партийных группировках, он не принадлежал к числу их лидеров и функционеров; скорее он выступал как независимый интерпретатор марксизма, сохраняя и оберегая свою внутреннюю свободу. Вольский оценивал марксистскую идеологию в соответствии со своими представлениями о разумности тех или иных ее постулатов и проводил научное сравнение (опять же, скорее, как мыслитель, а не как политик!) с близкими, пограничными, на его взгляд, философскими течениями.

Уже в очень зрелом возрасте, находясь в эмиграции, Валентинов написал ряд интереснейших мемуаров, свидетельствующих о его активном участии в общественной жизни, наблюдательности, мастерстве психологического портретиста, оригинальном взгляде на процессы, явления, людей. При этом он как бы переключал внимание исследователей с собственной персоны на своих героев. В умении сделать это, наверное, и заключается «высший пилотаж» мемуариста. Так политический деятель «второго плана» стал важнейшим свидетелем эпохи, своеобразным «медиумом» между современной наукой и прошлым в его событийном и личностном измерениях.

Николай Владиславович Вольский (другие псевдонимы – Самсонов, Е. Юрьевский) родился 7 (19) мая 1879 г. в г. Моршанске Тамбовской губернии в семье уездного предводителя дворянства, в 1896 г. закончил местное реальное училище, затем продолжил образование

---

<sup>2</sup> Кукушкина 2014.

<sup>3</sup> Протасова 2015(6). С. 42.

в Санкт-Петербурге. 1890-е гг., как известно, отмечены острой борьбой между народничеством и революционным марксизмом. Вместе со значительной частью тогдашней молодежи Вольский примкнул к последнему течению. Вот как сам он объяснял свой выбор: «Мы обеими руками хватали марксизм потому, что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда и внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями...». Молодой марксист настаивал, что «уже в конце 90-х годов он не встречал никого, кто разделял бы народнический взгляд о возможности перехода от самодержавного строя к “высшему этапу” – строительству социализма, минуя “средний этап” – буржуазно-капиталистическое общество»<sup>4</sup>. Европеизм – еще одно качество марксистского социализма, привлекавшее в ряды марксистов юных и энергичных людей, склонных романтизировать, «сентиментально раскрашивать» преимущества буржуазного строя (парламент, партии, собрания, свобода печати и т.д.), которых не было в России и которые они, марксисты, намеревались со временем на родине дополнить социальным равенством и справедливостью.

Студентом Петербургского технологического института Вольский вошел в марксистский кружок, за что из института был исключен и выслан под гласный надзор полиции в Уфу, где прожил до 1900 г., работая в железнодорожных мастерских. Затем он поступил в Киевский политехнический институт (Высшую техническую школу), и его революционная деятельность стала еще более осмысленной и активной. Страстный, волевой, физически очень сильный, он слыл хорошим оратором и человеком, которому можно доверить самое рискованное задание, что в революционном подполье очень ценилось. В 1901 г. он был арестован за участие в политической демонстрации и провел полгода в Бутырской тюрьме в Москве, по освобождении вернулся в Киев и в 1902–1903 гг. работал репортером «Киевской газеты». При расколе РСДРП (1903) молодой социалист примкнул к большевикам. В том же году вновь последовал арест, и после 12-дневной голодовки, основательно подорвавшей его здоровье, в самый канун 1904 г. Вольский был выпущен из тюрьмы, после чего эмигрировал. Тайно перейдя границу, он добрался до Женевы, где был представлен Ленину и, будучи тогда «стопроцентным ленинцем» и «активнейшим большевиком», стал его постоянным собеседником (по определению самого Вольского, «лейтенантом»). Кстати, псевдоним «Самсонов» (под этой фамилией Воль-

---

<sup>4</sup> Валентинов 1993. С. 40.

ский жил за границей) придумал Ленин: библейский Самсон утратил свою силу вместе с волосами, а Вольский – вследствие голодовки. Симпатией Ленина, впрочем, молодой марксист пользовался лишь несколько месяцев, затем обнажились различия в оттенках взглядов, несходство характеров и – что послужило мотивом разрыва – отношение к философии, которую Вольский глубоко изучал и искренне любил, а Ленин использовал отдельные философские постулаты как полезный инструмент. Попытки Вольского дополнить марксизм идеями эмпириомониста Э. Маха и эмпириокритика Р. Авенариуса вызвали яростные нападки Ленина, вплоть до обвинений в ревизионизме и обскурантизме. Эти обвинения были характерны для Ленина.

Вождь большевиков, по словам Вольского, «с размаху лепил позорную печать», «наклеивал бубновые тузы» на тех, кто был в чем-либо с ним не согласен: «Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом по голове, своих товарищей, чтобы заставить их шароухаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих объяснений одно только словечко должно было вызывать, как в экспериментах профессора Павлова, условный рефлекс»<sup>5</sup>. В 1903–1904 гг. такими «бубновыми тузами» были лидеры т.н. «экономизма» А.С. Мартынов (Пиккер) и В.П. Акимов (Махновец). Сравнения с ними в глазах ленинцев считались позором, ибо вождь большевиков бичевал их за «политический кретинизм, теоретическую отсталость и организационный хвостизм»<sup>6</sup> (якобы Акимов и его сторонники не *направляли* рабочее движение, а *следовали* за ним, «плелись в хвосте»)<sup>7</sup>. Акимов отрицал всю ленинскую концепцию партии как организации профессиональных революционеров, считая, что она проникнута вредным, антидемократическим, деспотическим духом, и заявил об этом одним из первых. Вольский, в 1919–1921 гг. хорошо узнавший Акимова, отмечал его обширные знания, кристальную честность и то, что тот был «до мозга костей демократ»<sup>8</sup> – высшая похвала в устах человека, когда-то являвшегося ленинцем. Надо сказать, что еще в период «благоволения» Ленина к Вольскому, последнего, несмотря на искреннее желание быть большевиком, смущали некоторые ленинские постулаты, а, главное, нетерпимость будущего основателя первого в мире социалистического государства не столько к явному инакомыслию (это-то понятно), но и – особенно! – к его же собственным партийным товарищам, осмелившимся высказать нечто отличное от авторитетного мнения вождя. Многих, как, например, народника

---

<sup>5</sup> Там же. С. 123.

<sup>6</sup> Там же. С. 121.

<sup>7</sup> Акимов 2012. С. 167.

<sup>8</sup> Валентинов 1993. С. 122.

В.В. Водовозова, поделившегося впечатлениями о знакомстве с совсем еще юным, лишь начинавшим свою политическую карьеру В. Ульяновым, неприятно поражали некоторые черты будущего лидера большевиков. Возмущала «невыносимая полемическая грубость Ульянова, его безграничная самоуверенность, его самомнение, разжигаемое тем, что уже тогда в семье его считали “гением”, а окружающие его единомышленники марксисты видели в нем “непререкаемый авторитет”»<sup>9</sup>. Оттачивало и допущение будущим Лениным всяких средств, лишь бы они шли к цели<sup>10</sup>. По мнению современного историка А.В. Шубина, «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью»<sup>11</sup>. Не последнюю роль в этом идейном упрощении, как и скандальности форм ведения политической дискуссии, сыграл В.И. Ленин.

Ленин всегда настаивал на необходимости демократического централизма в построении и деятельности революционной партии, делая при этом акцент на централизм. Он считал: если нет централизма, всё летит кувырком в революционной социалистической партии, поэтому ни один ортодоксальный марксист не может стоять за федеративный принцип. Он «вдолбил в голову всем большевикам полное отрицание федеративного принципа и абсолютное железное признание принципа централизма»<sup>12</sup>, и нигде идолократия централизма не приняла такого чудовищного выражения, как у эпигонов Ленина в эпоху сталинизма. С большой горечью уже после Второй мировой войны Валентинов писал: «Главнейшая часть СССР называется РСФСР... Слово федерация здесь каким-то чудом допущено, но за этой мнимой федерацией стоит маниакальный, чудовищный, деспотический централизм Кремля, всюду проникающий, всё связывающий. Из централизма Ленина выросло *Etat concentrationnaire* – Государство концентрационных лагерей!»<sup>13</sup>.

Отдаляясь от Ленина, Вольский оставался вдумчивым наблюдателем и исследователем его жизни. Исключительно информативны его труды «Ранние годы Ленина», «Малознакомый Ленин», «Встречи с Лениным», написанные уже гораздо позже, во второй эмиграции. Они дают разностороннюю личностную характеристику основателя советского государства со всеми его сильными и слабыми сторонами, открывшимися наблюдателю умному и тонкому. «По счастливой случайности, – писал автор вступительной статьи к парижскому изданию книги «Мало-

---

<sup>9</sup> Там же. С. 372.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Шубин С. 498.

<sup>12</sup> Валентинов 1993. С. 120-121.

<sup>13</sup> Там же. С. 121.

знакомый Ленин», французский коммунист Борис Суварин, – на Западе оказался бывший большевик, честный и очень осведомленный, к счастью, свободный от влияния хозяина и групповой схоластики, свидетель беспристрастный и бесстрашный, пронизательный наблюдатель, с независимым характером, восстающий против всякой ортодоксии, подчиняющийся только велениям своей совести, человек, исключительно способный внести неоценимый вклад в подлинную биографию Ленина»<sup>14</sup>.

Вольский отошел от Ленина и от большевиков в 1904 г. потому, что не мог принять их идейной нетерпимости и моральной неразборчивости. В этом сказалась одна из характерных его черт: духовная свобода и обусловленная ею недопустимость поражения себя какой бы то ни было партийной «линией», если та расходится с объективной правдой в понимании самого Вольского. «Мы находили, – вспоминал он, – что служение революции, «общественному благу» не должно чувствоваться долгом, должно быть чувство свободного “я того хочу”»<sup>15</sup>. Вместе с тем, Вольский проникся человеческой симпатией к лидеру меньшевиков Ю. Мартову, всегда готовому терпеливо и терпимо выслушать даже малознакомого человека, не клеймя пресловутыми «бубновыми тузами» за любое несовпадение взглядов.

Вернувшись в том же 1904 г. в Россию и взяв псевдоним «Валентинов» (он жил под чужим паспортом), Николай Владиславович прикнул к меньшевистской фракции, но, по его собственному признанию, меньшевиком был «плохим». Он пытался критически пересмотреть некоторые из основных положений марксизма, отвергая ленинские обвинения в ревизионизме. Однако когда, после долгого сопротивления этим обвинениям, в результате упорных размышлений о своих философских предпочтениях Вольский, наконец, сам признал себя ревизионистом, ему сразу стало морально легче, словно он «вынул занозу из мозга»<sup>16</sup>. В 1905 г. он возобновил журналистскую деятельность, став соредактором первой в России легальной социал-демократической «Псковской газетью». В межреволюционные годы Валентинов занимался, главным образом, публицистикой, часто печатался в периодических изданиях, включая такие влиятельные газеты, как «Киевская мысль» (1908–1911) и «Русское слово», где он был фактическим редактором (1911–1913). В 1908 г. он опубликовал книги «Философские построения марксизма» и «Э. Мах и марксизм»<sup>17</sup>. Отталкиваясь от посыла, что марксизм существует лишь в виде «элементов», «научного материала», из которого должна быть построена «новая история социализма», и находя, что у К. Маркса и Ф. Энгельса философия намечена лишь «об-

<sup>14</sup> URL: <http://www.litmir.me/br/?b=186087>.

<sup>15</sup> Валентинов 1993. С. 46.

<sup>16</sup> Там же. С. 173.

<sup>17</sup> Валентинов 1908(а) и 1908(б).

щими штрихами», Валентинов полагал, что «новая философия марксизма» может быть построена путем соединения принципов марксистского учения с «ценными сторонами» «критического реализма» Р. Авенариуса и Э. Маха. По вопросу о соотношении марксизма и махизма он даже обменялся письмами с Махом, но последний уклонился от подтверждения связи между эмпириокритицизмом и марксизмом<sup>18</sup>.

В сфере политики, подытожив опыт Первой русской революции, Валентинов в 1907 г. встал на позиции меньшевиков-«ликвидаторов», соглашаясь с их основными тезисами (реформа П.А. Столыпина в целом в состоянии приблизить общество к разрешению аграрного вопроса, устранив в деревне почву для борьбы против помещиков, Государственная дума может обеспечить мирное реформирование монархического режима и, таким образом, снимает необходимость новой буржуазно-демократической революции, которой в ближайшем будущем меньшевики и не ждали). В связи с возросшей ролью парламента в новых общественно-политических условиях главное внимание «ликвидаторы» уделяли выборам в Государственную думу. Они требовали легализации социал-демократической партии, доказывая необходимость реформирования общества силами открытых, законных организаций и легальной прессы и считая актуальной задачей свернуть нелегальные формы работы и ликвидировать нелегальные комитеты, в т.ч. Русский ЦК РСДРП. Валентинов ратовал за то, чтобы «скорее выбраться из подполья, идти во все легально организуемые профессиональные союзы, участвовать и развивать все виды кооперации, работать в разных просветительных учреждениях, в отделах городских управлений и земств, укрепляться всюду, быть полезным, говоря «свое слово»<sup>19</sup>. Отношение Ленина к «ликвидаторам» было уничтожающе непримиримым (в сохранении подполья он видел важнейшее условие самого существования и сохранения заговорщического характера партии). Вождь большевиков, называя меньшевиков-легалистов «стольпинской рабочей партией», писал: «Ликвидаторы — это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду»<sup>20</sup>. По мнению же Валентинова, человек, чтобы сохранить свой «антибуржуазный и социалистический дух», вовсе не обязательно должен быть нелегалом; в качестве доказательства он приводил в пример основоположника марксизма, бизнесмена Ф. Энгельса, являвшегося крупным пайщиком большого текстильного предприятия в Англии<sup>21</sup>.

Валентинов и в молодости, и на закате жизни много размышлял о человеке-социалисте, его морально-психологическом облике, органи-

<sup>18</sup> URL: <http://www.term.ru/dictionary/879/word/valentinov-n>.

<sup>19</sup> Валентинов 2000. С. 146.

<sup>20</sup> Ленин. ПСС. Т. 23. С. 80. URL: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.

<sup>21</sup> Валентинов 2000. С. 147.

зации его души. Марксист был убежден, что, помимо борьбы за правду, справедливость, защиты интересов угнетенных, социалист должен стремиться к изменению отношения людей друг к другу. Впрочем, юношеские мечты о том, что с исчезновением классов, уравниванием условий жизни людей при социализме «из конкурирующих особей они превратятся в товарищески-дружную семью... вместе с ростом утонченности их психической жизни»<sup>22</sup>, со временем уступили место реальному взгляду на мир и общество с их пестротой и проблемами, о многих из которых молодежь не могла подозревать.

Иллюстрацией к пересмотру взглядов с приобретением жизненного опыта может послужить следующий факт. В межреволюционный период Валентинов как философ-марксист выступал с резкой критикой индивидуализма. По его словам, это была «законная реакция на выпиравшую после революции, особенно в литературе, идею личности с безобразными наслоениями на нее эгоизма, мистицизма, анархизма и всякой разнузданности» (эстетику «Серебряного века» Валентинов, как и многие социалисты-реалисты, ставил невысоко). Поэтому он старался доказать необходимость приоритета категории «мы» над «я». По прошествии многих лет, получив возможность понаблюдать и ощутить коллективизм советского общества, в стране, «где диктатура десятилетиями убивала все проблески личности, стремясь заменить ее безличной, покорной человечинной», Валентинов нашел, что в подобном случае «рост индивидуализма, выпрямление рабски согнутой личности – явление необходимое и желательное»<sup>23</sup>.

Показательно, что период с 1907 по 1914 г., который многие социалисты (в т.ч. и демократические!) называли «безвременьем» и «реакцией», публицист Валентинов находил «крайне интересным в российской истории». Положительная оценка межреволюционного десятилетия подтверждает идейную самобытность Валентинова, не зависевшего в своих суждениях от тех, с кем он был духовно близок и, в принципе, разделял их политические взгляды. Его практический ум не мог не отметить «замечательного роста индустрии», громадных масштабов жилищного строительства в городах, «развития всех видов кооперации, в особенности деревенской»<sup>24</sup>. Посетив в эти годы множество русских городов, Валентинов всюду видел «оживление, подъем... рост культурных потребностей, в народных массах жажду образования»<sup>25</sup>. По его словам, в 1912 г., при «бездарном правительстве» и бездействовавшей IV Государственной Думе, «хныканья не видевшей никакого просвета части интеллигенции», выросал новый быт, проявлялись новые

---

<sup>22</sup> Там же. С. 148.

<sup>23</sup> Там же. С. 22.

<sup>24</sup> Там же. С. 373.

<sup>25</sup> Там же. С. 374.

типы рабочего, крестьянина, интеллигента. При этом не на «поверхности», а «в самых глубоких... недрах... появились и укреплялись элементы европеизма». В поездках по России он всюду наблюдал борьбу старого и нового, двух экономических и культурных формаций, двух «душ» – многовековой, восточной, византийско-татарской, и другой, «экономически, культурно, психологически, бытом своим и всем прочим отходившей от Востока к Западу»<sup>26</sup>.

Отношение Валентинова к европеизму претерпело эволюцию как с накоплением жизненного опыта, так и под влиянием политических изменений. В 1907–1908 гг. он видел основную задачу России в ориентации на Европу, под которой понимал не только смену политических форм и учреждений, но и «отказ от самобытности, переделку наших Обломовых, Каратаевых, Рудиных, создание нового культурного человека, изменение психологии, форм и ритма жизни, самочувствия, быта, навыков всякой работы, отношений людей»<sup>27</sup>. Перед Первой мировой войной русский марксист был уверен, что Россия на этот путь вступила; последующие десятилетия, особенно период тоталитаризма и «железного занавеса», это убеждение опровергли.

В 1914–1916 гг. Вольский-Валентинов работал над книгой «Россия и русская культура», судьба которой оказалась трагичной, вполне в духе того времени: рукопись была в 1918 г. сожжена в печи в качестве топлива неграмотной женщиной – хозяйкой квартиры<sup>28</sup>. В 1917 г. философ-марксист издал книги «Пути решения аграрного вопроса», «Революция и аграрная программа социалистов-революционеров»<sup>29</sup>. Летом того же года он официально вышел из РСДРП из-за несогласия с руководством меньшевиков в оценке общественно-политической ситуации в стране – с конца 1916 г. он выступал за сепаратный мир, установление твердой власти и тем самым «сеял недоверие к революции»<sup>30</sup>.

Если политику Ленина в 1905–1907 гг. Валентинов считал «вреднейшей», то захват власти в 1917 г. – «актом преступным». Большевистский переворот, полагал он, стал возможен «только потому, что Временное правительство Керенского было абсолютно неспособно ни оказать Ленину физическое сопротивление, ни провести те смелые мероприятия (сепаратный мир, передачу земли крестьянам и т.д.), которые... предохранили бы страну от Октябрьской революции»<sup>31</sup>.

В первые послереволюционные годы (1917–1919) Валентинов, внимательно наблюдая за Лениным и его государственной деятельно-

---

<sup>26</sup> Там же. С. 368-369.

<sup>27</sup> Там же. С. 23.

<sup>28</sup> Валентинов 1991. С. 4-5.

<sup>29</sup> <https://slovari.yandex.ru>

<sup>30</sup> См.: Валентинов 1993. С. 7.

<sup>31</sup> Валентинов 1991. С. 70.

стью, не находил в ней ничего созидательного, считал бессмысленным «почти все, что тогда делалось»<sup>32</sup>. Он сознавал, что не может ужиться с новым строем и, избегая всякого сотрудничества с властью, жил тем, что продавал книги из своей богатой библиотеки. Отношение его к Ленину и историческим перспективам страны стало постепенно меняться с 1921 г., с началом новой экономической политики. Он «с радостью видел, как постепенно снимаются со страны душающие ее обручи военного коммунизма». На взгляд Валентинова, Ленин был уже не тот, что бросал массам лозунг «Грабь награбленное!», звал «на всех парах нестись к социализму» и «поголовно всем по очереди управлять государством»<sup>33</sup>. Видя, что НЭП встречает ожесточенное сопротивление в партии и вождь большевиков мужественно и энергично, даже грозя отставкой, это сопротивление преодолевает, Валентинов, почувствовав к Ленину отголоски былой симпатии, «стал искренне жалеть его». «В 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший четырехлетний грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нем социалистические схемы, освободившийся от множества иллюзий и, с высоты правителя-диктатора России, познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего совсем не понимал...», – отмечал Валентинов<sup>34</sup>.

В самом начале 1920-х гг. у многих представителей российской социалистической интеллигенции (меньшевиков, эсеров, народных социалистов) возникла потребность работать для нового государства, содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни. Непривычная для них, деятельных и образованных людей, роль созерцателей перестала их удовлетворять, тем более что для планомерной, конструктивной работы в области государственного строительства, развития экономики, социальной сферы у большевиков катастрофически не хватало собственных кадров. К тому же сам факт существования новой власти перестал быть одиозным: с окончанием гражданской войны, военного коммунизма и переходом к нэпу советская власть не только устояла, но и окрепла, и никакой реальной альтернативы ей не предвиделось. У демократической интеллигенции возникли надежды на «возможную здоровую эволюцию Советской власти» и отход от постоянного грубого провозглашения «диктатуры партии»<sup>35</sup>.

Валентинов строит предположение, что именно послужило одним из поводов к изменению отношения вождя большевиков к «спецам». Ленин однажды в свойственной ему грубой форме заявил, что простейшее средство привлечь специалистов на сторону коммунистиче-

---

<sup>32</sup> Там же. С. 71.

<sup>33</sup> Там же. С. 28-29.

<sup>34</sup> Там же.

<sup>35</sup> Там же. С. 57.

ской власти и заставить их хорошо работать – «купить их за деньги», как это «всегда делали капиталисты»<sup>36</sup>. Один из специалистов, профессор Воронежского сельскохозяйственного института М.П. Дукельский, написал Ленину по этому поводу возмущенное письмо, где, в частности, говорилось, что для использования специалистов нужно научиться уважать их как людей, а не покупать их, не смотреть на них как на «нужный до поры до времени живой и мертвый инвентарь». Специалист работает не ради животного благополучия; он «не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его не оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди окружающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года»<sup>37</sup>. Как ни странно, Ленин эту критику воспринял вполне благодушно, он вызывал Дукельского в Москву для конструктивного разговора и даже поблагодарил за указание на политическую и психологическую ошибку большевиков в вопросе о специалистах. Советская власть от такой помощи социалистической интеллигенции только выиграла. При всем неприятии Лениным меньшевиков, которых он «отбрасывал и преследовал как политических деятелей», он ценил их в качестве «спецов». В этом случае они «подлежали тому особому благожелательному уходу, которое к специалистам вообще проявлял Ленин три последних года своей жизни»<sup>38</sup>.

Резолюция с призывом «беречь спецов» была написана Лениным и принята по его настоянию XI партийным съездом. «Если, – писал он, – все наши руководящие учреждения, т.е. компартия и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли каждого спеца, работающего добросовестно, со знанием дела и любовью к нему, то ни о каких успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»<sup>39</sup>. Эти ленинская позиция еще больше стимулировала небольшевицкую интеллигенцию, которая уже была готова идти на контакт с советской властью и не за страх, а за совесть работать для нее и вместе с ней. По впечатлениям оставшихся к тому времени в советской России социалистов-небольшевиков, к каковым принадлежал и Валентинов, в начале 1920-х гг. в стране стали появляться «ростки возрождающейся жизни»<sup>40</sup>, и народ «начал вылезать из ямы, в которую он свалился»<sup>41</sup>. Обладая большими знаниями и опытом в разных обла-

---

<sup>36</sup> Там же. С. 58.

<sup>37</sup> URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/00155b67.htm#0000641b.htm>

<sup>38</sup> Валентинов 1991. С. 59.

<sup>39</sup> Цит. по: Валентинов 1991. С. 57.

<sup>40</sup> Пешехонов 1923. С. 27.

<sup>41</sup> Там же. С. 25.

стях, в т.ч. в экономике, и недюжинной энергией, Валентинов в 1922 г. поступил на работу в ВСНХ, фактически редактируя его печатный орган – «Торгово-Промышленную газету», и делая это с энтузиазмом.

В декабре 1922 г. в Москве сложился неформальный кружок из девяти интеллигентов-хозяйственников, в основном меньшевиков. Помимо самого Валентинова, в эту группу вошли В.Г. Громан, П.Н. Маянгович, Л.Б. Кафенгауз<sup>42</sup> и др. В шутку названный его участниками «Лигой объективных наблюдателей» (что вполне конкретно обозначает его деятельный статус), кружок не шел дальше интеллектуальной оппозиции режиму. На встречах «Лиги» в основном происходил обмен информацией, анализ личных впечатлений от общения с большевистскими сановниками. Программным документом (если это применимо к заявлению камерного кружка единомышленников) стал меморандум «Судьба основных идей Октябрьской революции», в котором все «наблюдатели» признавали, что «жизнь разбила и отказалась принять»<sup>43</sup> базовые установки Октября. Потерпели, в частности, крушение ленинские ожидания казавшейся неизбежной мировой социалистической революции, идеи управления государством «поголовно всем населением», замены торговли планомерным распределением продуктов...

Незадолго до своей смерти Ленин, по мнению Валентинова, явно хотел внести элемент демократичности в созданную им диктаторскую (и предназначенную оставаться таковой) партию. Указывая на личные недостатки членов Политбюро ЦК РКП(б) из «старой гвардии», вождь дал им понять, что настоящими заместителями его они быть не могут. Руководящей силой должен быть коллектив численно расширенных ЦК и ЦКК. Против такой потери власти восстали члены Политбюро<sup>44</sup>.

С введением новой экономической политики в ВСНХ начался процесс реорганизации, который, по мнению Вольского, мог бы проходить «менее хаотично, более разумно», если бы в ВСНХ была какая-то «авторитетная, дирижирующая фигура ...хозяин, способный в нужные моменты твердо говорить “да” или “нет”»<sup>45</sup>, но такового не было. В оценке деятельности руководителей ВСНХ Валентинов был весьма критичен. А.И. Рыков (кстати, Вольский находился с ним в прекрасных отношениях, практически считая его своим другом), показавший управленческие способности при «военном коммунизме», в период болезни Ленина вновь был назначен руководить ВСНХ, но не имел на это времени, так как параллельно председательствовал в Совнарком. Его помощники П.А. Богданов и Г.Л. Пятаков должны были возмещать фактическое отсутствие руководителя. По словам Валентинова, оба

---

<sup>42</sup> Валентинов 1991. С. 363.

<sup>43</sup> Там же. С. 33.

<sup>44</sup> Валентинов. Наследники Ленина...

<sup>45</sup> Валентинов 1991. С. 157.

мало подходили для выполнения столь ответственных функций. Богданов как коммунист был недостаточно авторитетен: его партийное прошлое было малозаметным; к тому же по натуре он был слишком мягок, слабохарактерен и подбирал себе, как нарочно, пьющих коллег. Полную противоположность Богданову представлял собой Пятаков, который «с юности был так радикален, что до 1910 г. даже в большевиках видел простую разновидность реформистской социал-демократии»<sup>46</sup>. Крайности были свойственны его натуре, но он был человеком, безусловно, незаурядный: волевой, с замечательными организаторскими способностями. По оценке Ленина (с чем был вполне согласен Вольский), Пятаков слишком «увлекался администраторством... чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»<sup>47</sup>. Реальный образ Пятакова, воссоздаваемый по сохранившимся источникам, можно оттенить следующим красноречивым фактом: 11 августа 1936 г. в беседе по делу Каменева и Зиновьева с Н.И. Ежовым, Пятаков говорил, что «назначение обвинителем рассматривал как крупнейшее доверие ЦК и шел на это от души», и «просил предоставить ему любую форму реабилитации, в частности, со своей стороны вносил предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу на процессе, в том числе и свою бывшую жену». Его письмо Валентинову кажется откровенно патологическим: «Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым... Ради чести и счастья быть в ее рядах мы должны действительно пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим... Мы – партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным: проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, а если партия этого требует, если для нее нужно и важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из головы идеи, с которыми носились годами... Подавляя свои убеждения, выбрасывая их, нужно в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренне, всем мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии... Для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней»<sup>48</sup>. Такой фанатизм – если он был искренним, а не наигранным, – вполне мог внушить сомнение в душевном здоровье человека.

Сравнивая деятельность разных руководителей ВСНХ, Валентинов (и не только он) наиболее высоко оценивал работу Ф.Э. Дзержинского, который при слабом здоровье «не щадил себя» и не хотел (это явилось полной неожиданностью для многих), чтобы его имя ассоциировалось только с ОГПУ. Валентинов называл Дзержинского «самым правым коммунистом» и был убежден, что в годы сталинских репрес-

---

<sup>46</sup> Там же.

<sup>47</sup> Там же.

<sup>48</sup> Валентинов Н. Пятаков и большевизм...

сий тот попал бы под их «каток» одним из первых. При Дзержинском на наиболее ответственных постах ВСНХ находились пять бывших меньшевиков: сам Валентинов, А.М. Гинзбург, А.Б. Штерн, А.Л. Соколовский, Л.Б. Кафенгауз<sup>49</sup>. На упреки по поводу «меньшевицкого засилья» в ВСНХ Дзержинский отвечал: «Пожелаю, чтобы и в других наркоматах было такое же засилье... Мы бы очень многое потеряли бы, если бы у нас их не было... Если бы они продолжали быть меньшевиками, их непременно тянуло бы к оппозиции... Они в высшей степени лояльны и разделяют политику правительства... Кроме того, именно потому, что прошли марксистскую школу, они ближе к нам, чем беспартийные спецы-производственники, из которых многие прежде придерживались весьма правых убеждений»<sup>50</sup>.

В 1926 г. с приходом после смерти Дзержинского на его место В.В. Куйбышева вся обстановка в ВСНХ изменилась, как констатировал Валентинов, в худшую сторону. Куйбышев имел установку от Сталина «ударить по интеллигенции, слишком уж поднявшей голову, почувствовавшей свою силу и значение в хозяйстве»<sup>51</sup>, так что ни о каких поощрениях «спецов» речи уже идти не могло.

Валентинов оказался, по-видимому, единственным из «наблюдателей», кто благополучно пережил годы сталинских «чисток». Это произошло не без помощи случая. В 1928 г. он был командирован в Париж в качестве редактора журнала советского торгпредства «Экономическая жизнь Советов» (на французском языке). В 1930 г. он перешел на положение эмигранта – именно в это время в СССР шли аресты экменьшевиков и готовился открытый процесс по инспирированному ОГПУ делу «Союзного бюро меньшевиков». Подсудимыми на этом процессе были главным образом специалисты-хозяйственники из Госплана, Государственного банка, Комиссариата внутренней торговли, Центросоюза; были среди них и коллеги Валентинова по работе в ВСНХ, которых, в частности, очень ценил Дзержинский: А.М. Гинзбург, А.Л. Соколовский и др. Все они были объявлены «гнусными вредителями, продажными пособниками капиталистической иностранной интервенции». Валентинов был потрясен поведением обвиняемых, которые «ревностно и даже с пылом подтверждали все, что от них требовал прокурор»<sup>52</sup>. Нет сомнений, что, не оказись Валентинов вовремя за границей, он бы очутился на той же скамье подсудимых.

В эмиграции Валентинов жил в Париже и вплоть до своей смерти в 1964 г. работал на литературной ниве, публикуя статьи в эмигрантской прессе: «Современные записки», «Новая Россия», «Последние

---

<sup>49</sup> Валентинов 1991. С. 205.

<sup>50</sup> Там же. С. 211-212.

<sup>51</sup> Там же. С. 212.

<sup>52</sup> Там же. С. 214.

новости», «На рубеже», «Социалистический вестник», «Новое русское слово» и др. Не утратил он и интереса к философии. За границей Валентинов (взяв с 1931 г. псевдоним Е. Юрьевский, чтобы его родственники не пострадали от преследований сталинского режима<sup>53</sup>) постепенно сблизился с когортой русской социалистической эмиграции, активно развивавшей и пропагандировавшей идеи демократического социализма. Главным образом, это были эсеры – партия самая многочисленная в предреволюционной России, она и в эмиграции среди социалистических партий была представлена наиболее широко; к ним примыкали меньшевики и народные социалисты. С течением времени отдалившиеся от советской России с ее реалиями и отошедшие от идейных резкостей молодости, социалисты-эмигранты, прошедшие политическую инкультурацию в западной среде, образовали единый фронт русского демократического социализма, деятельность которого была возможна, разумеется, только вне СССР. В начале 1952 г. Н.В. Вольский (под псевдонимом Е. Юрьевский) в числе 14 самых «долговечных» и верных последователей идей демократического социализма, с М.В. Вишняком, В.М. Зензиновым, В.М. Черновым и др., подписал обращение с призывом к созданию единой социалистической партии<sup>54</sup>.

В воззвании говорилось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что “социализм” без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры и взаимоотношения между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое название социализма»<sup>55</sup>. В этом обращении меньшевики и эсеры «уже не трактовались как “друзья-враги”», а признаны были «родственным течением», призванным в послебольшевистской России влиться в «единую социалистическую партию, широкую, терпимую, гуманитарную и свободолюбивую»<sup>56</sup>. Хотя это заявление, выдержанное в духе мудрости и терпимости, которых так не хватало демократическим социалистам на заре и на пике их карьеры, в период практического приложения созидательных сил и творческого потенциала, оно явно запоздало. «Если бы молодость знала, если бы старость могла» – слова, ярко характеризующие впечатление, произведенное этим достойнейшим документом на постаревшую, поредевшую и усталую русскую социалистическую эмиграцию. В 1970 г. один из последних долгожителей-социалистов правый эсер Вишняк сказал: «Наша и предшествовавшая нашему поколению российская интеллигенция оказалась в числе тех, кого французы называют «защитниками проигранных дел»,

---

<sup>53</sup> Валентинов 2000. С. 372-373.

<sup>54</sup> Морозов 2014. С. 45.

<sup>55</sup> Цит. по: Морозов 2014. С. 45.

<sup>56</sup> Вишняк. Годы эмиграции...

или среди «великих неудачников» XX века, невзирая на все частичные достижения и временные удачи, как и бескорыстную жертвенность»<sup>57</sup>.

Однако и сегодня демократический социализм в российском варианте, предложенном еще в первой четверти XX в., может дать ценные рекомендации по воспитанию гражданского самосознания, привитию этических принципов политикам, а, главное, служит примером подлинной заботы о народе и желания сделать его жизнь лучше и справедливее. Неоценим и политический опыт, приобретенный и осмысленный российскими социалистами-демократами, переданный потомкам в форме интеллектуального – научного и публицистического – наследия, достойный вклад в которое внес и марксист Н.В. Вольский (Валентинов).

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. Изб. труды. М., 1996. 256 с.
- Акимов В.П. Очерк развития социал-демократии в России. М.: Либроком, 2012. 176 с.
- Большая советская энциклопедия // URL: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.
- Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Согласие, 2000. 384 с.
- Валентинов Н.В. Неделники Ленина // <http://bookz.ru/authors/valentinov-n/f16/page-2-f16.html>.
- Валентинов Н.В. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 56 с.
- Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. 367 с.
- Валентинов Н. Пятаков и большевизм // Новый журнал. № 52, Нью-Йорк, 1958.
- Валентинов Н. (Вольский Н.В.). Философские построения марксизма: Диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия // Критические очерки. Кн. 1. М.: Тип. В.М. Саблина, 1908(а). 307 с.
- Валентинов Н. Э. Мах и марксизм. М.: Сотрудник провинции, 1908(а). 119 с.
- Вишняк М.В. Годы эмиграции. Нью-Йорк, 1970. 246 с.
- Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
- Кукушкина И.А. Красная Вена: теория и практика австрийского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 194-201.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд. М., 1966. Т. 23. С. 80.
- Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма... 2014. С. 37-56.
- Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 78 с.
- Протасова О.Л. Н.В. Вольский (Н. Валентинов) о демократии и диктатуре // Современные модели развития в аспекте глобализации: мировой опыт, российские реалии, тенденции и перспективы. СПб.: КультИнформПресс, 2015(а). С. 183-187.
- Протасова О.Л. Н.В. Вольский (Н. Валентинов) – представитель российского демократического социализма // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени. Екатеринбург, 2015(б). № 4(9). С. 40-42.
- Протасова О.Л. Управление ВСНХ в 1920-х гг. в оценке Н.В. Вольского (Валентинова) // Роль науки в развитии общества: сборник статей. Уфа: АЭТЕРНА, 2015(в). С. 76-81.
- Селунская Н.Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. 336 с.
- Суслов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. Казань, 2013. 488 с.
- Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: НЛЮ, 2007. 744 с.

<sup>57</sup> Там же. С. 263-264.

## REFERENCES

- Aikhler V. Eticheskii realizm i sotsial'naya demokratiya. Izbrannyye trudy. M., 1996. 256 s.
- Akimov V.P. Ocherk razvitiya sotsial-demokratii v Rossii. M.: Librokom, 2012. 176 s.
- Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya // URL: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.
- Valentinov N. Dva goda s simvolistami. M.: Soglasie, 2000. 384 c.
- Valentinov N.V. Nasledniki Lenina // <http://bookz.ru/authors/valentinov-n/f16/page-2-f16.html>.
- Valentinov N.V. Nedorisovannyi portret. M.: Terra, 1993. 560 s.
- Valentinov N. (Vol'skii N.). Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina. Gody raboty v VSNKh vo vremena NEP. Vospominaniya / Sost. i avt. vstup. st. S.S. Volk. M.: Sovremennik, 1991. 367 s.
- Valentinov N. Pyatakovi i bol'shevizm // Novyi zhurnal. № 52, N'yu-Iork, 1958.
- Valentinov N. (Vol'skii N.V.). Filosofskie postroeniya marksizma: Dialekticheskii materializm, empiriomonizm i empiriokriticheskaya filosofiya // Kriticheskie ocherki. Kn. 1. M.: Tip. V.M. Sablina, 1908(a). 307 s.
- Valentinov N. E. Makh i marksizm. M.: Sotrudnik provintsii, 1908(a). 119 s.
- Vishnyak M.V. Gody emigratsii. N'yu-Iork, 1970. 246 s.
- Vishnyak M.V. Dan' proshlomu. N'yu-Iork: Izd-vo im. Chekhova, 1954. 414 s.
- Kukushkina I.A. Krasnaya Vena: teoriya i praktika avstriiskogo demokraticeskogo sotsializma // Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: Sbornik materialov konferentsii. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2014. S. 194-201.
- Lenin V.I. Poln. sobr. soch., 5 izd. M., 1966. T. 23. S. 80.
- Morozov K.N. «Partiya tragicheskoi sud'by»: vklad partii sotsialistov-revolutsionerov v kontsepsiyu demokraticeskogo sotsializma i ee mesto v istorii Rossii // Sud'by demokraticeskogo sotsializma... 2014. S.37-56.
- Peshkehonov A.V. Pochemu ya ne emigriroval? Berlin: Obelisk, 1923. 78 s.
- Protasova O.L. N.V. Vol'skii (N. Valentinov) o demokratii i diktature // Sovremennyye modeli razvitiya v aspekte globalizatsii: mirovoi opyt, rossiiskie realii, tendentsii i perspektivy. SPb: Kul'tIn-formPress, 2015(a). S.183-187.
- Protasova O.L. N.V. Vol'skii (N. Valentinov) – predstavitel' rossiiskogo demokraticeskogo sotsializma // Otechestvennaya nauka v epokhu izmenenii: postulyaty proshlogo i teorii novogo vremeni. Ekaterinburg, 2015(b). № 4(9). S. 40-42.
- Protasova O.L. Upravlenie VSNKh v 1920-kh gg. v otsenke N.V. Vol'skogo (Valentinova) // Rol' nauki v razvitiu obshchestva: sbornik statei. Ufa: AETERNA, 2015(v). S. 76-81.
- Selunskaya N.B., Toshendal' R. Zarozhdenie demokraticeskoi kul'tury: Rossiya v nachale XX veka. M.: ROSSPEN, 2005. 336 s.
- Suslov A.Yu. Rossiiskie sotsialisty posle oktyabrya 1917 goda v otechestvennoi istoriografii. Kazan', 2013. 488 s.
- Shubin A.V. Sotsializm. «Zolotoi vek» teorii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 744 s.
- Протасова Ольга Львовна, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет; [olia.protasowa2011@yandex.ru](mailto:olia.protasowa2011@yandex.ru)*

## A “Free artist” of Marxism: the life and ideological views of N.V. Volsky

The article traces the main stages of life of the famous Russian social democrat, Marxist philosopher and publicist N.V. Volsky (Valentinov); his ideological beliefs and the principles allow to rank Volsky as representatives of the Russian democratic socialism – the movement the principles of pluralism, need of recognition of the rights of democratic minority, use of non-violent methods in the movement on a way of social progress are analyzed.

**Keywords:** N.V. Volsky (Valentinov), V.I. Lenin, Marxism, democratic socialism, democracy, dictatorship, Bolsheviks, Mensheviks

*Olga Protasova, PhD in History, Associate Professor, Tambov State Technical University; [olia.protasowa2011@yandex.ru](mailto:olia.protasowa2011@yandex.ru)*